

ЕЛЕНА ГАВАР

ЦЕЛОВЕК
БЕЗ
КОЖИ

Елена Гавар
Человек без кожи

«Автор»

2022

Гавар Е.

Человек без кожи / Е. Гавар — «Автор», 2022

Знаки и символы на теле человека зачастую влияют на его судьбу. Мастер тату, который набил молодому художнику Эдику Никодимову татуировку со словами "Memento mori" ("Помни о смерти") в области сердца, даже не представлял, что вскоре того ждёт страшная и мучительная смерть...

© Гавар Е., 2022

© Автор, 2022

Елена Гавар

Человек без кожи

Молодой человек открыл дверь, галантно пропустил вперёд девушку, смущённо произнёс:

– Здесь прохладно, но это легко исправить...

Он быстро разжёл огонь в «буржуйке», пламя осветило его лицо с тонкими чертами лица. Гостя огляделась. На стенах висели картины, на мольберте стояла незавершённая работа. Царил «творческий беспорядок», как обычно выражаются люди искусства – обычное дело для мастерской художника. Длинноволосая красавица расстегнула пуговицу на пальто, перехватила взгляд парня:

– Эй... Что за «раздевающий» взгляд?

– Это профессиональный интерес художника к модели... И, потом, мы же договорились на «ню»... Мне нужна обнажённая натура...

Художник достал несколько купюр и протянул их девушке со словами:

– Деньги вперёд, как договорились, и никаких приставаний... А жаль... Ты очень красивая, у тебя внешность с «изюминкой», что я очень ценю в женщинах...

Девушка непринуждённо сняла одежду и с лёгкой усмешкой уточнила:

– Этот подиум для натурщиц?

Молодой человек кивнул:

– Да... Встань и покрутись...

Девушка покорно продемонстрировала великолепную фигуру, повернувшись боком, потом спиной. Снова встала лицом к парню, он глянул с прищуром, было видно, что вдохновился моделью:

– Расслабь кисти рук и постой так...

Девушка замерла, художник взял сангину, быстро сделал набросок и коротко скомандовал:

– Спиной...

Он вновь росчерком запечатлел девушку, застывшую в красивой позе. Через час работы хозяин мастерской удовлетворённо отложил в сторону стопку набросков и скомандовал:

– Молодец, и не скажешь, что совсем недавно работаешь натурщицей. Одевайся, будем чаёвничать...

Тем временем раскалённая до красна печка нагнала жару, обнажённая девушка покраснела, а сам художник снял рубаху, обнажив великолепный торс, покрытый татуировками. Девушка восхищённо присвистнула:

– Ого... Да Вы ходячий шедевр, Эдуард...

– Для тебя Эдик... И «на ты».. Хорошо? Мне бы хотелось, чтобы ты ещё не раз мне позировала. Тебе ведь нужны деньги?

Девушка кивнула:

– Да, на «стипешку» не проживёшь, не на трассе же стоять, чтобы копейку заработать...

Она не могла отвести взгляд от чёрно-белых рисунков на теле художника:

– Завораживающее зрелище... Кто тебе татухи сделал? Гениально...

Эдик протянул кружку с горячим чаем и пояснил:

– Одноклассник воплотил мой замысел... Я сделал эскизы, он набил тату....

Натурщица кончиками пальцев коснулась татуировки на груди Эдика в области сердца:

– Это латынь? «Memento mori»...

– На русском звучит «мементо море» – «помни о смерти»....

В печке треснули раскалённые угли, девушка невольно вздрогнула:

– Я бы никогда не стала на своё тело наносить надпись «смерть»...

Она с расширенными зрачками произнесла:

– Мне кажется, так можно накликать беду....

Порыв ветра распахнул форточку, стекло от удара расколосось вдребезги. Девушка взвизгнула. Один из осколков оставил на её руке порез, из которого сочилась кровь. А на плече у художника зияла рана. С Эдиком произошло нечто мистическое. Его взгляд стал отстранённым, он поднёс руку к стекающей струйке крови, а потом точным движением прямо на стене обозначил линией женский силуэт, используя перепачканные кровью пальцы вместо кисти...

Этот класс все учителя запомнили как особенный. За долгие годы работы в гимназии Вера Ивановна была классной руководительницей нескольких выпусков. Помнила каждого ученика, и могла с полной ответственностью заявить, что «Ашки», которые выпустились в 2009 как 11 «А», поголовно были гениями. Гимназия не слыла престижной, но все знали, что директриса собрала крепкий коллектив, и особенно тщательно выбирала педагогов для класса с художественным уклоном.

Вера Ивановна смотрела на собравшихся за столом бывших учеников. Илья Авдеев к своим неполным тридцати годам стал матёрым живописцем, членом Союза художников. Ему палец в рот не клади, он точно вскоре станет Академиком живописи. Антон Голицин стал владельцем частной галереи искусств. Проводит модные выставки, перформансы. Отхватил старинный особнячок в центре города, теперь там собирается богема. Денис Буров, кажется, успешный книжный иллюстратор. У него потрясающая графика. Пожилая женщина отвлеклась от своих мыслей, так как главный заводила «Ашек» дурашливый Константин Злобин – «Костян», как звали его одноклассники, начал разливать шампанское по бокалам. Напиток красиво искрился и пузырился в фужерах изящной формы. Константин поднял бокал стоя:

– Дорогая наша Вераванна! Вы даже не представляете, как много вы сделали для нас! Годы обучения мы вспоминаем как самые счастливые, правда, ребята?

Присутствующие загудели, подтверждая, что всё так и было. Вера Ивановна смущённо залепетала:

– Брось, Костик, к чему весь этот пафос? Моей заслуги нет в том, что вы тогда все были как на подбор. Не зря же про вас даже сняли документальный фильм «Дети индиго»... Вы, правда, какие-то неземные все и очень одарённые...

Молодёжь дружно начала чокаяться бокалами между собой и с бывшей классной, которую они раньше между собой называли Верунчиком. Со всех сторон раздавалось «За Вас, Вераванна!». Учительница уже столько лет на пенсии, а драгоценные «Ашки» полным составом навещают её каждый год в день рождения. Вот и сегодня повсюду охапки её любимых пионов, и родные лица.

Веселье было несколько наигранным, для этого была веская причина. Праздник омрачало одно обстоятельство. Среди присутствующих нет Эдика – её мальчика, который был для Веры Ивановны смыслом жизни. Присутствующие уловили настроение учительницы, она часто-часто заморгала, пытаясь скрыть набежавшую слезу. Все знали, что Эдика зверски убили полгода назад. Его нашли в мастерской, где он обычно творил в уединении. Мастерская находилась в «заброшке» – доме под снос, где обитали маргиналы. Парня зарезали бомжи. Когда полиция обнаружила труп, рядом спала пьяная компания, уже успевшая сварганить из мягких тканей тела погибшего закуску и употребить в пищу. Эта история повергла в шок даже выдавших виды следаков. На допросе бомжи блевали непереваренным содержимым желудков – человеческим мясом, а старейший следователь Семёныч, находясь рядом с ним, подавлял рвотный рефлекс. В тот день он поклялся завязать с проклятой работой, закончил расследование, отправил дело в архив и ушёл на пенсию. Бомжи – каннибалы угодили за решётку. Они даже не пытались что-то сказать в своё оправдание, да и какие смягчающие вину обстоятель-

ства могут быть у опустившихся нелюдей, с затуманенным суррогатным алкоголем мозгом? Они просто отведали деликатес из человеческого мяса, разделав, словно свиную тушу, тело художника...

Веру Ивановну мягко обняла Яна. Единственная из всего класса выпускница, которая была очень одарённой, но профукала свой талант. Уж больно красивую внешность ей выдали свыше. На неё заглядывались в школе все пацаны, да что греха таить, и преподаватели – мужчины тоже. Живопись она забросила, погрязла в многочисленных романах, родила сына три года назад. Но не озвучила имя отца ребёнка, так как на тот момент встречалась с богатым мужиком из мира криминала. Вера Ивановна знала, что Эдик тоже заглядывался на Яну. Раскрепощённая девица не раз позировала ему обнажённой, скорее всего, у них был секс, но Вера Ивановна деликатно не лезла в личную жизнь мальчика, которого вырастила с пелёнок и считала родным сыном.

Дверь в квартиру была не заперта. Зашла «на огонёк» соседка – молоденькая блондинка, работавшая медсестрой в поликлинике. Звали её Лиза Струйская. Она давно стала для Веры Ивановны главной помощницей. «Ашки», конечно, всегда были готовы навестить и поддержать пожилую учительницу, но все живут далеко, у каждого свои заботы. А Лиза, что называется «под боком», живёт этажом ниже. Одноклассники привыкли считать девушку частью своей дружеской компании. Антон поухаживал за девушкой. Галантно преподнёс ей бокал с пузырящимся напитком и пододвинул стул.

Захмелевшие однокашники подняли тост, не чокаясь, за Эдика. И коснулись темы, которая будоражит умы всех творчески одарённых людей.

– Эдик был настоящим художником! Да что там, он был самым крутым в плане профессии из нас!

– Костян, ты прав, как никогда! И у него был какой-то особенный взгляд на вещи, он тонко чувствовал мир... Рефлексирующий, ранимый... Не зря его последняя серия работ называлась «Человек без кожи»,,,

Вера Ивановна вспомнила, какой ценой был оплачен этот триптих Эдика. Она тогда получила инфаркт, после которого теперь не обходилась без таблеток ни дня. Пожилая женщина мысленно погрузилась в события того осеннего дня. На улице было студёно. Листья всех оттенков жёлтого и красного покрылись инеем. Полупрозрачные ранетки пропускали лучи солнца, которое теперь светило, но не давало тепла. Женщина потёрла озябшие ладони, согрела их дыханием. Вот ведь память начала подводить! Опять ушла из дома без перчаток. Вера Ивановна подняла голову, посмотрела на окна мастерской Эдика. Полуразрушенный дом давно стоял в аварийном состоянии. Жильцов коммуналки расселили. Дом собирались снести и построить многоэтажный новомодный жилой комплекс. А пока Эдик творил в своей мастерской в тиши. По полутёмной обшарпанной лестнице Вера Ивановна поднялась на верхний этаж. Остановилась у облезлой двери, обитой рваным дерматином. Мастерская не была закрыта на замок. Сквозь щель в дверном проёме слабо пробивался тусклый свет. Учительница поправила седую прядь, прилипшую к лицу, сухонькими пальцами деликатно постучала. Звонок давно не работал, обрезанные провода безжизненно свисали вдоль стен с осыпавшейся штукатуркой. В квартире раздавались приглушённые звуки, но никто не отвечал.

Это привычное состояние для Эдика – погрузиться в свои мысли, не замечая ничего и никого вокруг себя. Вера Ивановна тихонько прошла в мастерскую. Половицы чуть скрипнули под ногами, но Эдик не отреагировал. Он сидел спиной к вошедшей женщине. Его длинные светлые волосы, собранные в хвост и перехваченные завязкой из кожаного шнура, были влажными. На спине блестели капли пота. В квартире и впрямь было душно. Отопление давно не работало, художник грелся, используя чугунную буржуйку. Та быстро теряла тепло, но в первые час-два кочегарила в полную силу, раскаляясь до красна. Обнажённый торс Эдика, покрытый затейливыми татуировками, перекрывал источник света – керосиновую лампу. Женщина

невольно полюбовалась фигурой приёмного сына – красив как бог. Она обошла Эдика сбоку и крик ужаса застыл у неё в горле. На запястьях у парня были видны свежие порезы, на полу валялась окровавленная бритва в багровой луже. Из вены на локтевом сгибу у Эдика торчала толстенная игла с идущим от неё катетером. На коленях стояла эмалированная белая миска, куда кровь стекала тонкой струйкой. Вера Ивановна закатила глаза и рухнула на пол, сбив на пол сосуд с кровью. Красная липкая жидкость заляпала всё вокруг. Эдик взвизгнул:

– Чёрт, мать, что ты здесь делаешь?

Он одной рукой начал торопливо перетягивать жгутом руку чуть выше локтя. Кое-как справившись с этой задачей, Эдик похлопал по щекам ставшую мертвенно бледной мать. Перепуганный, весь перепачканный кровью, парень дрожащими руками начал набирать на мобильном номер «скорой». Не сразу сообразил, что аппарат давно разрядился, его экран мёртв. Он бросился на улицу. Минут через десять вернулся, а за окном взвыла сирена, на потолке нервно заплясали синие сполохи от мигалок прибывшей кареты скорой помощи.

Очнулась Вера Ивановна в палате. На стуле сидел Эдик в растянутом свитере, с виноватым лицом он выдохнул:

– Слава Богу, мама... Пришла в себя... Как тебя угораздило без предупреждения прийти?

Женщина слабо улыбнулась. В тот день мобильный вместе с перчатками остался на тумбочке у зеркала в прихожей. Да и толку от него не было. Мобильный сына вечно был разряжен, когда он сутками не отходил от мольберта. А рядом с мастерской она оказалась случайно. Ну как «случайно»? Нет, конечно, она не просто так устремилась к дому, где Эдик уже неделю творил, изредка торопливо отвечая на звонки. А потом и вовсе перестал выходить на связь. Мать собрала нехитрые гостинцы: котлетки да борщ в охотничьем термосе, и отправилась навещать сына. А то ведь живёт во время творческого запоя на крепком чае и сигаретах. Ну, и алкоголь или что-то другое, без чего не обходится ни один художник. Эдик наклонился поближе к уху матери, погладил её по седым волосам и полушёпотом начал сбивчиво объяснять так, чтобы его не слышали другие пациенты и медперсонал, находящиеся в палате.

– Мам, ну ты помнишь, я же тебе говорил, что экспериментирую с разными материалами... Да?

Женщина слегка прикрыла веки, давая понять, что понимает, о чём речь. Она увидела боковым зрением иглу, закреплённую пластырем у неё на локтевом сгибе. Прозрачная трубочка тянулась вверх к мягкому резервуару с лекарством. Больная невольно поморщилась – торчащая из вены игла напомнила о сцене в мастерской. Только там игла пронзала вздувшуюся вену сына. Эдик продолжил:

– Сейчас не самый подходящий момент, чтобы вдаваться в подробности, просто поверь на слово, что я не хотел тебя шокировать... Это не было попыткой суицида. Мне нужна была моя кровь, чтобы использовать её в качестве краски...

Этот разговор мать и сын продолжили уже дома, когда осунувшаяся и резко постаревшая Вера Ивановна выписалась из больницы. Она лежала на диване на высокой подушке, а Эдик расхаживал по комнате, периодически останавливаясь у замёрзшего окна в ледяных узорах, и излагал свою теорию. В качестве иллюстративного материала он использовал морозные завитушки на оконном стекле.

– Понимаешь, ма, очень важен материал – то, чем выполнена картина. И это не обязательно краски... Вот здесь замёрзшая вода... Лёд. Это ведь тянет на искусствоведческий трактат... Вода в одном из четырёх её состояний как бы осуществляет творческий акт, оставляя на стекле разводы, которые человеческий глаз распознаёт как растительные узоры...

Вера Ивановна следила за руками Эдика, он выхватывал на морозном окне фрагменты ледяного рисунка, указывал на них, пояснял:

– Вот похоже на полынь... Резкие, drobные линии... А эти плавные изгибы – что?

Мать поняла, что Эдик вовлекает её в творческий процесс, чтобы поднять настроение, она приняла условия игры в «угадайку», ответила с улыбкой:

– Райские кущи... Я так вижу... А если «без высоких материй», то Хохлома...

Сын с одобрением улыбается, утвердительно кивает головой:

– Пусть будет Хохлома, или Гжель, я не знаю.

Мать оживает, беседа с сыном идёт ей на пользу. И потихоньку, вкрадчиво он снова выводит её на тему своих необычных экспериментов с материалами:

– Понимаешь, кровь же несёт в себе ДНК её обладателя. И определённую энергию. И вот я решил сделать серию работ, где не только визуальный ряд будет создан мной, но на холсте будет живой материал с моей ДНК... И зритель сможет это почувствовать... Не каждый, конечно, но МОЙ зритель...

Потом Эдик ещё долго что-то говорил, это была его собственная теория с элементами эзотерики, мистики, но Вера Ивановна уже его не слышала, погрузилась в сон.

А потом мать увидела готовые работы Эдика. Выполненные в той самой экспериментальной технике. Как выглядит засохшая кровь на грунтованном холсте? У бывшей преподавательницы истории искусств это вызвало ассоциации с акварельной техникой. Гризайль. Легко угадывался стиль Эдика. Нечто сюрреалистичное, наполненное символами, пентаграммами. Ох, знает она, откуда это увлечение сына подобным искусством. Это она пошла на смелый эксперимент, когда её «Ашки» ещё были шестиклассниками.

Если помните, это же был класс гениев, дети индиго, им давно приелись лекции по истории искусств, рассчитанные на обычных ровесников. И Вера Ивановна начала выдавать ребятам знания, которые так ценила сама, и которыми была так рада поделиться с воспитанниками. В тот день в зашторенном наглухо классе слайд проектор разрезал пространство лучом света, на экране, закреплённом на школьной доске, сменяли друг друга проекции с иллюстрациями гравюр художников эпохи Возрождения, в том числе Дюрера и Daniel Hopfer – Даниэля Хопфера. Ребяшня, как замороженная, не сводила глаз с экрана. А работа Хопфера «Мemento море» стала наиболее цитируемой у одарённых юных художников. Они рисовали фрагменты гравюры в тетрадах, на партах, за что получали нагоняй от «Верунчика» и драили класс с порошком. Что-то произошло тогда отчасти мистическое, что положило начало в формировании Эдика как художника. Все эти игры со знаками, символами, смыслами потом всегда присутствовали в работах набирающего мастерство художника.

К тридцати годам он уже был признанным художником. В «раскрутке» ему грамотно помог однокашник, ставший галеристом – Антон. Он привлекал хороших искусствоведов, которые писали отзывы о творчестве Эдика, размещал их на специально созданном сайте. Проводил выставки работ Эдика в своей модной галерее, открытие вернисажа всегда было эпатажным, зрелищным, здесь собирался весь бомонд: модная молодёжь, маститые художники тоже не пропускали эти мероприятия. В организации открытия выставки «Человек без кожи» Антон превзошёл себя. Зал, где были выставлены работы Эдика, превратился в мультимедийное пространство. Вера Ивановна тогда поймала себя на мысли, что её лекции по истории искусств при свете слайд проектора в зашторенном классе, засели в умах многих учеников.

Пространство галереи утопало в полумраке. Стены и окна были плотно задрапированы тёмной тканью. Триптих из нарисованных кровью работ был подсвечен специальной подсветкой, позволяющей разглядеть мельчайшие детали на полотнах. А театрализованное действие обыгрывало все возможные ассоциации с кровью. На многочисленных экранах чередовались изображения фрагментов работ Эдика, живые съёмки льющейся крови, пентаграммы и мистические символы на тему жизни и смерти. По залу сновали актёры, изображающие смерть с косой, обнажённые юноши и девушки, перепачканные искусственной кровью, сотрясались в диких плясках. Присутствующие были одеты, согласно специальному дресс-коду: в чёрное и все оттенки багряного. Звуковое сопровождение вызывало мурашки по коже и пробирало до

глубины души. Напитки были соответствующие: красное вино и коктейли с пузырьками рубинового цвета. Это производило определённый эффект, когда дамы с алой помадой на губах тянули через прозрачные соломинки кроваво-красную жидкость. Вера Ивановна мысленно похвалила Антона за то, что его безупречный вкус не позволил вечеринке превратиться в китчевое зрелище. Всё было изысканно, услада для глаз и душ эстетов самой высокой пробы. Всё прошло «на ура», выставка имела оглушительный успех, воодушевлённый Эдик собирался продолжить свои эксперименты и создать новую серию работ «на крови», но не успел...

Вера Ивановна помнит, как свет померк после того, как на пороге её квартиры появился Леонид Семёнович Дрёмин – старейший следователь, отец одного из её выпускников, они были знакомы ещё с тех времён, когда она только начинала работу в школе. Он сообщил о гибели Эдика. Потом была истерика, нашатырь, сердечные капли, невозможность поверить в смерть родного до боли сына.

Похороны... Все «Ашки» собрались. Как могли, поддерживали бедную женщину, обезумевшую от горя. Груды венков и цветов, покрывшихся ледяной глазурью в морозную ночь после того, как комья мёрзлой глины гулко пробарабанили прощальную дробь по крышке гроба из морёного дерева. Вера Ивановна осиротела, сама себе удивлялась, что не умерла прямо сразу, узнав о смерти сына... С её-то неровно и вяло бьющимся сердцем... Она даже пришла на суд, где огласили приговор убийцам её сына, ведомая под локоть Денисом и Костей. Зачем она туда пошла? Что собиралась прочесть в глазах опустившихся спившихся людей, сшибающих копейку у продуктового с утра до ночи? Она и сама не знала.

Одна из троицы, убившей Эдика, когда-то жила по соседству, была обычной миловидной девчушкой. Как все: с бантиками, куклами, трогательно сползшими белыми кружевными гольфиками на линейке 1 сентября. Как превратилась она в людоедшу? Как стали каннибалами её сообщники? У Веры Ивановны не было ответа. Да и никаких чувств не было. Она слегла, целыми днями смотрела на морозные узоры на окне, перед которым ещё недавно Эдик расхаживал и они играли в «угадайку»:

– На что похоже? На полынь! Резкие, рваные линии...

Сейчас бы она продолжила:

– На рваные раны похоже, на боль, на горе, на всё то, что сейчас рвало на части сердце матери.

Строго говоря, они ведь не были кровными родственниками. Кровь, которой нарисовал Эдик свои последние работы, и которые теперь висели в гостиной Веры Ивановны, не связывало родство с женщиной. Экспертиза ДНК не признала бы их родственниками. Вера Ивановна, несмотря на это, считала Эдика «своей кровиночкой». Он появился в её жизни случайно. На первый взгляд, на самом деле, целая цепочка судьбоносных совпадений предшествовала тому периоду в её жизни, когда она обрушила на мальчика всю свою нерастратченную любовь, реализовала долго дремавший материнский инстинкт. Биологические родители Эдика были коллегами Веры Ивановны. Отец вёл уроки физкультуры. Спортивный подтянутый, красивый блондин. Эдик унаследовал его гены, вырос красавцем. Отца звали Павел Фёдорович, он женился, когда ему уже было под сорок, на лаборантке Светочке. Молодая хохотушка ходила по гимназии в облегающем белом халатике. Помогала химичке с реактивами. Это была спецодежда. Она умело превратила унылое детище отечественной текстильной промышленности в орудие соблазнения. Уже через полгода после трудоустройства в гимназию, Светочка была законной женой физрука, а ещё через 9 месяцев коллектив дружно скидывался на коляску для новорождённого Эдика. А потом всё было как в страшном сне. У Светочки случилась послеродовая депрессия, с которой справиться хохотушке никто не помог. Думали, что оптимистичная женщина сама выкарабкается. А она не смогла. О том, каким способом она покончила с собой, не распространялись. Павел Фёдорович овдовел, его сын осиротел.

Вера Ивановна не сразу стала считать знаки внимания, которые ей начал оказывать физрук. Она его ровесница – около сорока. На него заглядываются коллеги помоложе, и чего уж там скрывать, попривлекательнее. Тем не менее, физрук зачастил в кабинет Верунчика под разными предложениями, а потом расставил все точки над і.

– Вера Ивановна, а можно, я не буду вокруг вас круги нарезать, пытаюсь дать понять, что у меня к вам есть интерес? Я – человек прямой, простой....

– Павел Фёдорович, у меня такое чувство, что вы не женщину для себя ищете... Я ваши вкусы успела изучить за 20 лет работы в одном коллективе... Скажите честно, вы теперь всех представительниц слабого пола сквозь сито просеиваете, чтобы у Эдика появилась мать? Ну, не мать, это я погорячилась, но человек, который попробует её заменить... Если получится...

– Зрите в корень, Вера Ивановна, мне от этого немного неловко. Но есть и плюс – обещаю сделать всё, чтобы вы себя рядом со мной почувствовали женщиной... Не сразу, буду честен, пока слишком болит... Но в вас я почему-то вижу того, с кем можно попробовать начать жизнь заново...

И Вера Ивановна ни разу не пожалела о принятом решении. Она удивлялась, как ладно складывались её отношения с мужем и сыном. Поражалась невероятной одарённости Эдика. Оказалось, что его дед был вполне серьёзным живописцем, на Павле природа отдохнула, он был прирождённым спортсменом. А вот Эдик взял всё лучшее от одарённого предка, сформировался настоящим большим художником.

Физрук скончался внезапно, когда Эдику было семь. Вера Ивановна тащила на себе двойные смены в гимназии, чтобы сын ни в чём не нуждался. Потом парень поступил в институт, стал получать стипендию. И Вера Ивановна смогла, наконец, позволить себе роскошь оставить педагогическую деятельность, выйти на пенсию, целиком посвятить себя домашним хлопотам. Это были самые счастливые годы жизни. Эдик набирал обороты как мастер живописи. Мать тихо радовалась его успехам. Утончённая натура, красавец, он нравился женщинам, у пожилой женщины не было ни тени сомнения, что её мальчика ждёт успешная карьера и рано или поздно появится семья. Но всё рухнуло в тот роковой день, когда отморозки погубили молодого художника, а заодно и прихватили жизнь Веры Ивановны. Точнее, физически она ещё существовала, но жизнь её лишилась смысла. Осталось жалкое существование на скромную пенсию, львиную долю которой сжирали расходы на лекарства.

Вера Ивановна лежала на диване. По квартире сновала соседка Лиза. Она привычным жестом открыла шкафчик на кухне, где у пожилой учительницы хранилась аптечка. Достала ампулы с раствором, шприцы. Ласково потрепала Веру Ивановну по плечу:

– Вот увидите, десятидневный курс внутривенно вас на ноги поставит!

Девушка быстро набрала лекарство, умело ввела раствор в тонкие вены учительницы. Приложила ватку со спиртом:

– Ну, вот... Полежите немного, а то может слегка закружиться голова. А я побегу... Бабушке с пятого этажа взялась по хозяйству помогать. Ей социальный помощник положен, как одинокой пенсионерке старше восьмидесяти лет, а она не хочет незнакомых людей в дом пускать. Не доверяет.

Медсестра добродушно засмеялась, поправила подушку учительнице, весело протараторила:

– А я-то выросла здесь, с ней сто лет знакомы. Не смогла отказать. Она, конечно, предлагала деньги, да что там брать? Пенсия копеечная... Я «за так» то пол помою, то за продуктами сгоняю, ну и медицинские процедуры, если надо, сделаю...

Вера Ивановна очень тепло относилась к молодой соседке. Душевная, расторопная девушка была ей очень симпатична. Она даже пыталась сводничать, устраивала чаепития, чтобы таким образом ненавязчиво свести Эдика и Лизу. Но ничего из этого не вышло, хотя вроде и была у молодых симпатия. Потом Эдика не стало. А девушка забегала частенько, и

вот сейчас очень пригодилось её умение делать инъекции. Пожилой женщине было нелегко каждый день мотаться в поликлинику в процедурный кабинет. А у Лизы рука лёгкая, и живёт рядышком. Лиза уже помахала ручкой и на прощание напомнила:

– Если буду нужна – звоните на мобильный. А то я ещё подработку взяла – массаж одинокому инвалиду со второго этажа делаю. Не могу отказать тем, кому помощь нужна...

Вера Ивановна сердобольно вздохнула:

– Лизонька, тебе бы в твоём возрасте по свиданиям бегать! А ты свою молодость на нас – старпёров тратишь! Не в этом мире справедливости...

Лиза отмахнулась, мол, да ладно вам, и выпорхнула в коридор. Щёлкнул замок. И повисла тишина.

После ухода Лизы Вера Ивановна смотрела вечерние новости, попутно раскладывая пилюли по ячейкам таблетницы. На экране мелькали мигалки, бойкая журналистка сообщала о чрезвычайном происшествии. В садовом кооперативе было обнаружено обезображенное тело человека. Труп не показывали. Только сигнальная лента трепыхалась на ветру за спиной телевизионщицы. Суетились оперативники в перчатках, жестами показывали оператору, что нежелательно вести съёмку. Сердце Веры Ивановны сжалось. Стало как-то нехорошо, тревожно. Она невольно сунула под язык пилюлю, которую собиралась упрятать в таблетницу. С экрана доносился резкий голос журналистки:

– Предположительно, жертвой стал Константин Михайлович Злобин, тысяча девятьсот девяносто первого года рождения.

Вера Ивановна плюхнулась на табуретку:

– Костик? Боже мой, Костик...

У неё в голове не укладывалось, что ещё один из её «Ашек» лежит, превратившись в труп, коченея на стылой земле. И тут же раздался звонок в дверь. На пороге были двое из её «Ашек» – Денис и Антон. Не сговариваясь, начали подтягиваться остальные однокашники. Почему-то ни у кого не возникло сомнений, что после этого трагического случая нужно непременно собраться, чтобы осмыслить случившееся. Пункт сбора сам собой организовался в квартире Веры Ивановны. Одни хлопотали возле пожилой учительницы, понимая, что гибель Костика – это ещё один удар для неё, она восприняла его как потерю близкого человека. Бывшие ученики постарались скрыть от пожилой учительницы подробности гибели жертвы. Но на кухне они перешёптывались тайком от Веры Ивановны. Все были в шоке, так как дело обещало стать резонансным. Просочились слухи, что Константина растерзали в садовом кооперативе бродячие псы. Зимой он жил там после развода с женой в полном одиночестве. Никто из немногочисленных соседей не слышал никаких звуков борьбы. Сторож был пьян и тоже узнал обо всём, когда нагрянула полиция. Труп Костика обнаружила бывшая жена, после того, как он не отвечал на телефонные звонки, а ей нужно было разрешение «бывшего» на вывоз общего ребёнка за границу.

К тому времени, когда полиция занялась расследованием, труп был изрядно погрызен бродячими псами. Но одно странное обстоятельство не ускользнуло от полицейских – на сохранившихся тканях трупа обнаружили повреждения, характерные для очень странных манипуляций. Один из сотрудников полиции по старой дружбе позвонил своим коллегам из отдела, возглавляемого полковником Зайцевым. Дело обещало быть запутанным и сложным...

На совещании следственной группы отчитывались все сотрудники в порядке очереди. На большом мониторе демонстрировались фотографии останков жертвы. Патологоанатом Жанна Борисовна Пестова указала на изображение трупа, жестом акцентируя внимание на многочисленные рваные раны на теле жертвы:

– Вынуждена признать, что четвероногие хищники нам изрядно подгадили. На это и рассчитывал убийца. Он скормил труп собакам. На первый взгляд всё выглядело как несчастный случай – смерть в результате нападения бродячих псов.

Жанна обвела взглядом присутствующих, взмахнула наманикюренным пальчиком, ткнула им в изображение:

– Но нам повезло – зверей что-то спугнуло. И можно с уверенностью утверждать, что мужчину убили, а потом натравили животных. Обнаружены повреждения тела, указывающие на то, что в качестве орудия убийства был использован нож с тонким лезвием. Предположительно, медицинский скальпель...

Полковник медицинской службы Платон Зиновьевич Зайцев попросил уточнить:

– Время смерти?

Жанна бодро отрапортовала:

– Сутки назад, в результате нанесения колотых ран и последовавшей за этим потерей крови. Перед смертью погибший крепко выпил, высокое содержание алкоголя в крови...

Эксперт Василиса Геннадьевна Крайнова взяла слово. Коллеги невольно начали усмехаться. Девушка начала работать недавно. И очень напоминала старшеклассницу – отличницу, она усердно старалась контролировать тонкий голос и не срываться на фальцет от волнения. «Вася», как шутливо называли её коллеги за глаза, поправляла толстую оправу очков, которая, как ей казалось, должна была придать солидности, но вызывала абсолютно противоположный эффект. Василиса выглядела комично. Но информация, которую она озвучила, вызвала интерес у присутствующих:

– Взгляните на прижизненные фотографии гражданина Злобина. Они есть в соцсетях в открытом доступе. Здесь погибший позирует в спортзале с обнажённым торсом. А это пляжные снимки, сделанные во время отдыха на Мальдивах...

Василиса пальцем в воздухе очертила круг, привлекая внимание коллег к татуировкам на теле некогда живого Костика. Кто-то из мужчин присвистнул:

– Да на нём живого места нет, всё в узорах... На сидельца не похож, там другая символика...

Василиса укрупнила изображение изуродованного тела жертвы. Стали видны микроскопические порезы на чудом сохранившихся фрагментах кожного покрова. Присутствующие ахнули, поражённые ювелирной работой экспертов:

– Как вам удалось откопать неповреждённые участки кожи? Там же пёсики постарались на славу, обглодали до костей...

Зайцев поправил очки на носу и кхекнул:

– И? Ближе к теме... Какие выводы?

Василиса продолжила:

– Удалось установить, что тонкие порезы нанесены по границе татуированных изображений тонким лезвием, предположительно тем же медицинским скальпелем, которым мужчину умертвили. Микрочастицы медицинской стали есть в ране – небольшой скол с кончика инструмента.

Зайцев изумлённо вскинул брови:

– Проще говоря, с убитого срезали татуировки? Есть версии – зачем? И кто это сделал?

Василиса бодро кивнула:

– Пока ничего конкретного по поводу подозреваемых сказать не могу...

В этом месте присутствующие уже не могли сдерживать улыбок. Опер Чижиков с невероятно серьёзным лицом строго спросил:

– Как же так, Василиса Геннадьевна? Ведь все улики налицо, мы были уверены, что такая светлая голова и надежда отечественного сыска, как Вы, незамедлительно выдаст ФИО и адрес преступника...

Василиса на секунду растерялась, поняла, что «Шутник» Чижиков троллит её, Зайцев приструнил балагура, и она продолжила:

– Но я могу сказать – кто сделал татуировку. Мы провели анализ чернил, использованных для нанесения рисунка. Их производит зарубежная фирма. Это эксклюзивный и очень дорогой продукт. Не каждый может себе позволить такую роскошь. А почерк мастера мы сравнили с работами художников, выложенными на профессиональных сайтах...

На экране замелькали иллюстрации художников, в левой половине замерла фотография татуировки со спины погибшего, справа высветились книжные иллюстрации, ФИО их создателя и фотография. На ней был запечатлён brutальный молодой человек.

Василиса не без гордости сообщила:

– Денис Карлович Буров, 1991 года рождения. Книжный иллюстратор, но из-за творческих разногласий с издательством, в последнее время не занимается книжными иллюстрациями. Делает татуировки. Ценник у него «конский», ой, извините, я хотела сказать, не гуманный. И что странно – он свою деятельность не афиширует. Информация о его услугах есть только в закрытом сообществе «для своих».

Зайцев стрельнул строгим взглядом на «Шутника»:

– Что за подпольный салон тату? Почему он функционирует? Да там с ходу можно насчитать нарушений на несколько статей. Уход от налогов, оказание несертифицированных услуг... Ну, и почему этот гений книжных иллюстраций и татуировок ещё не отвечает на наши вопросы?

Василиса выдержала паузу и выдала сенсационное известие:

– Самое интересное, что в чернилах, которыми был выполнена одна из татуировок – вот здесь – на запястье погибшего – содержится посторонняя примесь... И это... Прах... Частицы кремированного человеческого тела...

После этого Зайцев выразительно посмотрел на оперов и изрёк:

– Задержать этого Бурова! Немедленно!

Чижиков с напарником Егором Викторовичем Лопухиным, двадцати трёх лет от роду, продвигались по территории заброшенной фабрики, где в настоящее время располагались многочисленные разношёрстные конторы. Прошли в подвальное помещение, остановились у полупрозрачной стеклянной двери. Не было никаких надписей, указывающей на то, что здесь находится салон тату. Только мягкая подсветка за дверью эффектно подчёркивала красоту линий изображения, нанесённого на стекло. Огромный хамелеон выглядел как увеличенная фотография настоящей татуировки. Штришки, линии, всё было гигантских размеров и очень красиво. Этаким знаком для тех, кто «в теме».

Чижиков указал на пульсирующую точку на смартфоне, указывающую геолокацию телефона мастера тату, хмыкнул:

– Здесь он... За этой дверью... Хамелеон, значит? Ну, посмотрим, под какой предмет мимикрировать будет при виде вооружённых оперов?!

Парни достали пистолеты, переглянулись, как бы прикидывая шансы, может ли пригодиться оружие, не стали им «светить». Скромно держа пистолеты в карманах, подёргали ручку, было закрыто. Чижиков постучал, звук оказался неожиданно гулким, за дверью раздался женский визг и мужской голос негромко чертыхнулся. Дверь распахнулась, на пороге появился Денис Буров. Голый по пояс, в кожаных штанах, в сапогах – «казаках», густо покрытый татуировками, он нагло тряхнул длинными волосами. Пирсингованный детина не стал стесняться в выражениях:

– Чо надо, парни? Вы, наверно, дверью ошиблись?

Оперативники предъявили служебные удостоверения и оттеснили самоуверенного мужчину внутрь помещения. Осмотрелись. За ширмой на кушетке лежала девица, на которой «из одежды» было только полотенце, прикрывающее ягодицы. А всё тело было густо покрыто затейливыми узорами. Внимание Егора привлекла необычная деталь. На икроножной мышце

девушки была видна рваная рана, с торчащими металлическими штырями. Протез? Только теперь до оперативника дошло, что это татуировка с 3D эффектом. Чёрт, выглядело всё очень убедительно, было ясно, что перед ними профессиональный татуировщик очень высокого уровня.

Девушка капризно запричитала:

– Дэн, я надеюсь, ты мне тату не запорол? Какого чёрта надо было вот так вламываться?

Чижиков усмехнулся:

– А что, у господина татуировщика такая тонкая душевная организация, что дрогнула рука от резкого звука?

Девушка скривилась, а Денис вдруг резко взмахнул жужжащей машинкой, предназначенной для нанесения тату, перед лицом мужчин. Отбросил инструмент, толкнул визитёров, и бросился бежать по подземному коридору заброшенной фабрики. Опера чертыхнулись и бросились в погоню. Их ждал неприятный сюрприз. Уходящие в разные стороны тоннели со сводчатыми потолками терялись вдаль, об их протяжённости можно было только догадываться. А сквозь метровую кирпичную кладку не проходил сигнал мобильной связи. Егор разглядел на стенах граффити и мистические знаки, нанесённые фосфоресцирующей краской. Он высказал предположение:

– Похоже, подземелье облюбовали диггеры. Тут какая-то система указательных знаков «для своих».

Чижиков кивнул:

– Нет времени эти ребусы разгадывать... Думаешь, нет шансов его поймать? Упустили?

– Во всяком случае, он так резво от нас рванул... Сразу ясно – он здесь прекрасно ориентируется...

Чижиков с досадой осветил стены и пол, включив фонарик на смартфоне. Повсюду были видны торчащие ржавые прутья, обломки бетонных конструкций и груды битого кирпича. Пахло сыростью. Он поморщился:

– Здание в аварийном состоянии, ноги бы не переломать... Мда, приборы ночного видения сейчас бы нам не помешали...

И громко крикнул в пустоту:

– Господин Буров! Ведите себя солидно! Давайте обойдёмся без этих квестов в темноте... Выходите!

Татуировщик не отвечал. Где-то был слышен звук капающей воды, а на светящийся экран мобильного резко выпрыгнула из темноты чёрная тень. Оперативники от неожиданности ругнулись. Это была летучая мышь. Парни подсветили своды подземелья. Стали видны целые полчища этих животных с перепончатыми крылышками. Чижиков вздохнул, шепнул Егору:

– Давай наверх, наш беглец, похоже, здесь все ходы и выходы знает, постарается выбраться... А я пока шумну, чтоб действовал и не вздумал отсиживаться...

Егор, стараясь передвигаться осторожно, направился к выходу. Чижиков прижался к стене, выключил фонарь и стрельнул вверх. Вдалеке раздались звуки шагов. Татуировщик нёсся по подземным лабиринтам прочь.

Егор по прилегающей к заброшенной фабрике территории крадучись двигался вдоль здания. Бурый кирпич местами полностью выкрошился, был риск поймать на темечко увесистый кусок кладки. Прошло довольно много времени, Оперативник уловил шум. Направился, ориентируясь на звук. В нескольких метрах от его ног слегка дрогнула крышка канализационного люка, присыпанная глиной и битой кирпичной крошкой. Было очевидно, что её пытаются сдвинуть, прикладывая усилия снизу. Тяжёлый блин с рельефной надписью – аббревиатурой производителя чугунной конструкции, сдвинулся. Мокрый от пота, покрытый грязью и пятнами от ржавого металла, Денис, тяжело дыша, выбрался наверх. Егор дал ему возможность

целиком оказаться на поверхности земли, чтобы он не нырнул обратно в канализационный колодец. Взял «на мушку» и негромко произнёс:

– Не советую и дальше играть в эти игры!

Денис сник, обречённо поднял руки. Егор ловко скрутил его, защёлкнув на запястьях наручники. После чего громко свистнул, из-за угла появился Чижиков. Он подошёл к задержанному и пристально на него посмотрел:

– Денис Карлович, вы тут уже на приличный срок заключения набегали... Неужели всё это только потому, что у вас нет лицензии на оказание услуг татуировщика? Или мы ещё чего-то о вас не знаем?

Денис с ненавистью смотрел на оперов, но выдавил из себя реакцию, типа он ни при чём:

– Господа... У меня просто нервишки сдали... Видите ли... Я подумал, что вы – переодетые полицейские... Липовые... Я задолжал большую сумму ребятам, которые не церемонятся...

Чижиков с ироничной ухмылкой кивнул, типа, охотно верим.

Денис начал горячо убеждать:

– По чесноку! Они используют такой трюк – подсылают переодетых громил в форме полицейских... Чтобы задолжавшие баблом не оказывали сопротивления... Ну, а потом... Выбивают зубы, чтобы выбить бабки...

Денис в сопровождении оперов отправился к их служебной машине. Дорогу им преградила девушка, которую ранее видели в его подпольном салоне тату. Она была одета весьма вызывающе, короткая юбка позволяла оценить её стройные длинные ноги. Модельная внешность. Девушка капризно мотнула головой и рассекла воздух, взмахнув модной сумкой, как бы требуя остановиться. И выпалила:

– Дэн! Какого чёрта? За что тебя «замели»? Это надолго? Ты же работу не закончил! А у меня фотосессия через неделю, надо, чтобы всё было готово...

Чижиков вздохнул и с некоторым сочувствием произнёс:

– Барышня, советую вам поискать другого мастера, судя по тому, что татуировки на вашем теле практически шедевральны – это будет нелегко... Ну, или придётся ждать, и, возможно, ждать довольно долго...

Девушка чертыхнулась и двинулась прочь, спотыкаясь на высоченных шпильках. Егор её окликнул:

– Не так быстро... Сначала свои паспортные данные сообщите...

Она скорчила гримасу, выражающую досаду и разочарование, и полезла в сумку за паспортом...

Василиса стремительно ворвалась в кабинет Зайцева. Тот посмотрел на неё поверх очков с удивлением и осуждением. Он знал девушку с пелёнок, служил долгие годы с её дедом – легендарным сыщиком старой закалки Дрёминым. Но это не давало ей право вот так вламываться. Он негромко, но строго произнёс:

– Василиса Геннадьевна, я, конечно, понимаю, что в вас много молодой кипучей энергии, но давайте вы не будете носиться вихрем по коридорам нашего солидного учреждения...

Василиса характерным движением поправила чужеродные очки в толстенной оправе на переносице, заправила прядь огненно-рыжих волос за ухо и выложила на стол листочки с распечатанными результатами экспертиз и планшет с изображениями химических формул на экране. Зайцев с интересом посмотрел:

– Что тут у нас? Что-то интересное?

Василиса утвердительно кивнула и затараторила:

– Вот, взгляните. Это новая информация в деле об убийстве Злобина. Как вы помните, одна из татуировок на его теле была с частицами праха... Мы провели углублённый анализ ...

Зайцев вопросительно вскинул брови. Пока ничего нового он не услышал. Василиса ткнула пальцем в нужную строчку, Зайцев прочитал и нахмурился. Девушка продолжила:

– Прах, который был подмешан в чернила для татуировок, имеет весьма необычный вид... Слишком крупные фракции. И ещё кое-что... Обычно в крематориях очень тщательно сжигают останки, потом измельчают, и извлекают при помощи специального магнитного прибора все металлические примеси, которые остаются, если у погибшего были пломбы, коронки или искусственные металлические имплантаты...

Зайцев уловил мысль:

– А в данном случае они не извлечены... Это какой-то подпольный крематорий? Действуют непрофессионалы, используя подручные средства?

– Похоже на то... Тело кремировали кустарным способом. В печи с высокими температурами, но не предназначенной для подобных манипуляций и по упрощённой схеме...

– То, что подобный пепел оказался подмешанным в чернила, которыми были нанесены татуировки на теле Злобина, вызывает вопросы... Буров, который нанёс эти татуировки погибшему, должен знать ответ на них...

Василиса кивнула и добавила:

– И ещё... Вот запись с камер наблюдения... Мы не сразу смогли получить доступ к ним, так как они установлены на территории лесничества, прилегающего к садовому кооперативу, где был убит Злобин... Там нечего делать человеку, если только он не пытается остаться незамеченным, пытаясь проникнуть в садовый кооператив окольным путём через лесную чащу... Вот, взгляните... Буров держит путь к садоводству в день убийства Злобина... В заборе обнаружен лаз...

Зайцев отмахнулся от Василисы, и торопливо начал нажимать кнопки на своём мобильном:

– Бурова доставили? Нет ещё? Понимаю, что далеко и плотный поток на дорогах... Как только придут, в допросную его, немедленно!

Уже через пятнадцать минут бледный, утративший вызывающе-наглый вид мастер тату сидел в допросной лицом к лицу с Зайцевым. Полковник буквально просверлил взглядом поникшего Бурова. Этот его фирменный приём заставлял давать признательные показания многих преступников не робкого десятка. Поговаривали, что опытный сыщик обладал даром сродни гипнотическим способностям. Все, кто оказывались с ним вот так один на один, словно теряли волю и у них «развязывались языки». Но с татуировщиком ничего подобного не произошло, он проявил инициативу, но явно не собирался выкладывать всё и сразу:

– Я не понимаю, каких откровений вы от меня ожидаете? Я ведь не наивный идиот, о презумпции невиновности знаю. Адвокат мой уже в курсе дела. А взваливать на себя убийство бывшего одноклассника я не собираюсь...

Зайцев вздохнул и посмотрел на Бурова с сожалением и сочувствием:

– Мне кажется, вы не представляете, в какое затруднительное положение попали. Вот распечатка звонков с вашего мобильного. Вы созванивались со Злобиным с завидной регулярностью...

Зайцев на экране ноутбука показал Бурову записи с камер наблюдения.

– Вас зафиксировали камеры наблюдения неподалёку от места убийства Злобина – рядом с забором садового кооператива. Вы не попались на глаза сторожу на КПП, так как пробрались на территорию через дырку в заборе со стороны леса. Но вам не повезло – на елях установлены скрытые камеры, так как в это территория лесничества, и таким образом отслеживают браконьеров и любителей незаконной вырубki деревьев...

– Чёрт, я действительно был у Злобина... Я отчаянно нуждался в деньгах... Обращался ко всем, к кому только мог. А у Костяна откуда-то резко появились «бабки», он позвонил, предложил подвезти и взять. И даже не торопил с отдачей...

– И?

Буров с непониманием глядел на Зайцева, пытаясь понять ход его мыслей. Полковник пояснил:

– И теперь Константин Злобин мёртв, крупную сумму возвращать некому... Если бы не злополучные камеры наблюдения, вы бы ушли от ответственности...

Буров с возмущением отверг обвинение.

– Ничего подобного! Я не имею никакого отношения к смерти Костяна...

Он оживлённо продолжил:

– Если там охрана на въезде и камеры вдоль территории, то должен был попасть в поле зрения ещё кто-то... Настоящий убийца! Я не убивал! Вы должны мне поверить!

Зайцев тяжело вздохнул, всем видом показывая, что рад бы поверить словам задержанного, но факты говорят об обратном:

– Вы были на участке погибшего с четырнадцати часов до семнадцати ноль – ноль. Патологоанатом в заключении указывает время смерти в этот промежуток времени... Тело обнаружила бывшая жена убитого на следующий день. И за это время там изрядно постарались собаки, уничтожая тело жертвы, следы и улики. Вы знали, что в садовом кооперативе прикармлена стая бездомных животных?

Буров утвердительно кивнул головой:

– Костян их тоже подкармливал, но из-за неприятностей с бывшей женой – они дико ссорились из-за опеки над сыном, ему было не до них. Неудивительно, если они были жутко голодные...

Мастер тату сообразил, что подобными размышлениями, высказанными вслух, только усугубляет своё положение:

– Да, я знал, что там обитают псы, но я не использовал их в качестве четвероногих сообщников для сокрытия убийства, как вы утверждаете...

Зайцев выложил перед Буrowым фотографии изуродованного трупа жертвы. И требовательно произнёс:

– Мы выяснили, что у вас был мотив убить Злобина и попытаться скрыть улики и следы. Вам это не удалось. Есть ещё один вопрос. Наши эксперты установили, что с тела жертвы после смерти были срезаны татуировки. Сделанные ранее вами... Зачем вы это сделали?

Буров затравленным взглядом посмотрел на Зайцева и пожал плечами:

– Не знаю, что вы там нафантазировали, но я не имею никакого отношения к этой дикой истории... Зачем мне срезать татуировки? Какую ценность представляют лоскуты тела?

– Чернила, которыми были нанесены рисунки, содержат примесь в виде пепла и некоторых веществ. Экспертиза показала, что это прах кремированного человека. Кремация проведена кустарным способом, явно не в официальном учреждении. И, возможно, этот факт вы хотели скрыть...

Буров взвился, начал торопливо оправдываться:

– Я художник, а не мясник и не маньяк, каким вы хотите меня представить!

Зайцев невозмутимо продолжил:

– Без ведома мастера тату никто не будет подмешивать в чернила, которые он вводит под кожу, инородные примеси. Велик риск получить осложнения, вплоть до некроза мягких тканей.. Вам придётся объяснить происхождение этого праха... Мы же понимаем, что просто так тайно сжигать труп никто не будет... Там явно есть криминальный след... Если вы причастны к подпольной кремации, это только усугубит ваше положение...

Буров отрицательно мотнул головой. Зайцев громко обратился к стоящему за дверью конвоиру:

– Уведите подозреваемого!

И буркнул уходящему татуировщику вслед:

– Советую начать активно сотрудничать со следствием, и написать заявление о добровольном признании вины...

Дверь допросной захлопнулась, полковник тяжело вздохнул, его отвлек звонок на мобильный. Он нажал на значок на смартфоне «принять вызов» и через секунду торопливо шагнул на выход, на ходу громогласно ведя диалог:

– Да, Василиса, сейчас буду у вас...

Вера Ивановна после похорон Эдика старалась не появляться на траурных мероприятиях, хотя поводов, к сожалению, было достаточно. Она уже достигла того возраста, когда уходили ровесники: друзья и коллеги. Но пропустить прощание с учеником – весельчаком Константином – Костиком – она не могла. На неё навалилось камнем горе от потери ещё одного родного человека. Она помнила его вихрастым смышлёным пятиклассником той поры, когда она стала классным руководителем «Ашек». Пожилая женщина утирала слёзы платком, пропахшим сердечными каплями.

Вновь её поддерживали под локоть бывшие ученики и одноклассники Эдика: Антон, Илья, Яна. И ещё пятнадцать человек «Ашек» толпились рядом у гроба Злобина. Труп был настолько обезображен, что пришлось для прощания выставить закрытый саркофаг с телом. Слышны были всхлипывания, приглушённые реплики:

– Такой молодой...

– В голове не укладывается, кому он «перешёл дорогу»?

В интересах следствия старались не допустить утечки информации о том, при каких обстоятельствах погиб покойный. Но слух о том, что это убийство, а не несчастный случай, мгновенно разнёсся по городу. И некоторые подробности стали достоянием общественности. Раздался шепоток:

– То, что его убийство кто-то замаскировал под нападение собак – секрет Полишинеля... Но кто желал ему смерти?

– Поговаривают, у него был конфликт с тестем. Тот угрожал, когда Костя изменил жене... Там был сложный развод, много грязи друг на друга вылили обе стороны...

– Ерунда, они конфликтовали, но на такое зверское убийство тесть не решился бы... Он нормальный мужик, поорали, кулаками помахали, но к убийству это не имеет отношения... Он же не идиот, чтобы единственного внука лишить родного отца...

– Так вроде убийца уже даёт признательные показания?

– Серьёзно? И кто же? Поди, пустые рассказы «сарафанного радио»?

Не было только Дениса. Вере Ивановне уже по секрету сообщили, что его задержали в качестве подозреваемого в убийстве Константина, но она ни секунды не сомневалась в том, что это ошибка и бред. Дэн и Костик дружили со школьной скамьи, их даже не смогла рассорить история, когда они были влюблены в одну девушку, и она предпочла Костика. И тут Веру Ивановну словно током пробило. Она ведь знала, что Злобин недавно развёлся с женой, у них есть общий сын, но это была не та девушка, в которую он был страстно влюблён. И Вера Ивановна не могла припомнить, рассказывали ли ей что-то о судьбе возлюбленной ныне покойного Константина. От мыслей её отвлек резкий звук. Сколько раз уже она наблюдала, как комья земли гулко стучат по крышке гроба, после которого начинается отсчёт нового этапа – привыкания к мысли, что дорогого человека больше нет.

На поминках, которые стихийно случились в квартире Веры Ивановны после похорон Костика, «Ашки» быстро накрыли стол: водку, закуску из ближайшего супермаркета, достали

из резного буфета дешёвые «стопки», закупленные ещё в тот момент, когда организовывали прощание с Эдиком. Тост поднял Антон. Пожилая учительница невольно отметила, что её бывший ученик, а ныне – успешный галерист – и на похоронах был одет как франт. Да, в тёмном костюме и рубашке, как положено на траурных мероприятиях. Но костюм дорогой, явно ручной работы, ботинки тонкой кожи тоже пошиты где-то в мастерской, скорее всего итальянскими мастерами, так как этот парень любит роскошь. А в Италии бывает регулярно на отдыхе и по делам. Сама Вера Ивановна, ещё несколько лет назад, не умела детально разбираться в тонкостях создания гардероба людей из высшего общества. Но с тех пор, как Эдик стал подопечным Антона, она частенько бывала в его галерее на открытии вернисажей, и научилась отличать брендовые вещи, пристрастие к которым питал Антон и тусовка, в которой он крутился.

Антон поправил очки в дорогой оправе, пригладил волосы – вот уж кто точно посетил барбершоп перед похоронами. Приподнял «стопку», удерживая её холёными пальцами, на одном из которых красовался перстень от известного ювелирного дома. И произнёс пронзительную речь:

– Друзья, меня не покидает ощущение, что над нашим классом, над всеми нами, нависло проклятие. Иначе чем объяснить тот факт, что мы хороним второго нашего товарища?! А ведь прошло ещё совсем немного с тех пор, как не стало Эдика... И вновь смерть забирает лучших, ведь Константин был очень одарённым творческим человеком...

В тот момент, когда поминки завершились, и «девочки» – теперь уже почти тридцатилетние дамы помогали убирать со стола и мыть посуду, Вера Ивановна обратилась к Зое и Яне:

– Девочки, я что-то запамятовала... А какова была дальнейшая судьба той красивой блондинки, по которой Костик сходил с ума ещё в девятом классе? Помнится, они даже с Денисом на этой почве устроили драку, обоих чуть не отчислили из гимназии, мне пришлось похлопотать...

Дамы переглянулись. Зоя – раздобревшая шатенка, у которой в настоящее время была сеть студий по раннему художественному развитию детей, вздохнула. Она посмотрела на Яну, как бы получая одобрение на то, чтобы озвучить известную ей информацию. И начала рассказ:

– Там какая-то тёмная история, Вера Ивановна... У них с Костиком была такая любовь, страсти кипели как в вулкане. А он же был дико ревнивым, лез за неё драться с каждым, кто на неё посмел бросить взгляд...

Вера Ивановна кивнула, всё это ей было известно:

– Да, да, я помню... А куда потом делась эта.. Вика? Так, кажется её звали? Почему Костик женился на Кире?

Зоя вздохнула:

– Эта Вика исчезла... До сих пор числится бесследно пропавшей...

Пожилая женщина аж за сердце схватилась:

– Как пропала? Куда же она делась? Это же человек, а не иголка в стоге сена?!

Яна усадила Веру Ивановну на диван и накапала ей сердечные капли в стакан с водой, с досадой поморщилась:

– Зря вы затеяли этот разговор,.. С вашим слабым сердцем, Вера Ивановна, и так хватает волнений на сегодня...

– Нет, нет, Яночка, я хочу знать, что же случилось? Они были такой красивой парой...

Зоя нехотя коротко пояснила:

– Однажды она не вернулась на дачу, где они жили со Злобиным. Волонтёры прочесали всю округу. Костик тоже участвовал в поисках. Её не нашли ни живой, ни мёртвой, а потом в её ноуте обнаружили какую-то переписку в закрытом сообществе – то ли эзотерики, то ли секта какая-то... В общем, ходят слухи, что она вроде попала под влияние каких то поехавших умом на мистике людей и скрылась вместе с ними...

Вера Ивановна задумчиво произнесла:

– Я ведь помню эту девочку. Она пару месяцев училась с вами в пятом классе. А потом её перевели в класс с хореографическим уклоном, но она продолжала дружить с «Ашками». Частенько бывала в вашей компании. Так ведь?

Яна и Зоя утвердительно кивнули.

А в лаборатории экспертов следственного комитета собрался консилиум. Василиса по видеосвязи общалась с коллегами – оперативниками. Они находились на садовом участке, где был убит Злобин. Зайцев сидел на стуле рядом, одновременно просматривал улики и заключения экспертов и вмешивался в разговор Василисы и оперов Чижикова и Лопухина. Василиса:

– Коллеги, я ещё раз обращаю ваше внимание, что микрочастицы обожжённой глины, которые присутствуют в чернилах для татуировок, изъятых из-под кожи погибшего Злобина, – знак для нас! Труп сожгли в печи, предназначенной для обжига керамики, или до этого он был в контакте с глинистой почвой.

В разговор вклинился Зайцев, перед которым были разложены карты местности с указанием состава почв:

– А в садовом кооперативе есть и то и другое! Почва там глинистая, а Злобин занимался керамикой, он же в садовом доме обустроил мастерскую, значит, должна быть печь для обжига...

Оперативники, за действиями которых по видеосвязи наблюдали Василиса, Зайцев и второй эксперт Герман Лапшин, исследовали помещение мастерской керамиста и рапортовали:

– Да, здесь есть муфельные печи, даже две, одна, судя по всему, рабочая, а вторая покрыта пылью, старая модель, ею давно не пользовались...

Василиса и Герман переглянулись, эксперт высказал предположение:

– В самих печах вряд ли сохранились улики... Высокие температуры, многократный обжиг керамики...

При этом Василиса нутром чуяла, что все они на верном пути:

– Что мы имеем? Возлюбленная Злобина – Виктория Градова бесследно исчезла пять лет назад. До этого они совместно проживали в его мастерской на даче. На фотографиях в соцсетях можно отследить момент, когда на теле Злобина появилась тату с примесью праха.

Василиса вывела на экран крупно фотографию с тату на внутренней стороне локтевого сгиба Константина Злобина. И обратила внимание присутствующих на дату:

– Вскоре после таинственного исчезновения Градовой...

Зайцев:

– Мы не можем утверждать, что Злобин сделал тату с прахом, который принадлежит именно его бесследно исчезнувшей пассии... Но по срокам совпадает... Хотел сохранить в себе её частицу? Говорят, он в неё был сильно влюблён. Не знаю, что там произошло. Но надо бы поискать, не соседствует ли рядом с этим самодельным крематорием импровизированный колумбарий. Ну, придётся попотеть – взять пробы грунта с каждого сантиметра участка и копнуть вглубь – в прямом смысле. Ищем прах или его частицы в почве...

Василиса по видеосвязи задумчиво наблюдала за действиями оперативников, те, вооружившись буром, начали брать пробы грунта. Девушка посмотрела на Германа, при этом рассуждая вслух:

– Если это убийство, то не ясен мотив... Может, ревность? Возможно, Злобин убил девушку в состоянии аффекта, потом пожалел об этом?! Испугался и попытался «спрятать концы в воду»? Кстати, он очень активно участвовал в поисковых мероприятиях после пропажи Градовой... Преступники часто действуют таким образом, ведь никому и в голову не придёт подозревать обезумевшего от горя возлюбленного жертвы, который с ног сбился в поисках её...

Василиса задумчиво наматывала прядь волос на палец, погружившись в размышления. Потом глянула на коллегу и спросила:

– Герман, а если мыслить как преступник.. Ты как думаешь – что сделал художник с прахом любимой женщины, погибшей по каким-то пока неизвестным причинам? Если учесть, что он столь сентиментален, что часть её сожжённого тела в виде тату разместил под собственной кожей?

Герман аж поперхнулся, услышав столь неординарную постановку вопроса:

– Вась... В смысле, Василиса, мы пока вообще не можем с уверенностью утверждать, что это прах девушки Злобина. И нет доказательств, что её кремировали в его мастерской и захоронили или развеяли прах там же или поблизости. Одни предположения...

Зайцев сурово взглянул на Германа:

– Так работать надо усерднее, носом землю рыть, чтобы отыскать улики и доказательства...

Герман хмыкнул себе под нос:

– Так вон два копателя уже роют землю, это я на оперов намекаю, если чо...

Зайцев одёрнул молодого коллегу:

– Не дерзи, Егор. Василиса отчасти права – Злобин оригинал, творческая натура... Был... Бес его знает, может он ещё куда-нибудь прах своей возлюбленной необычным образом построил... Горшки с цветами в дачном доме стоит проверить...

Полковник заметил на лице Лопухина торжествующую улыбку. Он переслал на мобильный Зайцеву распечатку с результатами экспертиз:

– Мы перелопатили образцы грунта с дачного участка Злобина, и обнаружили некие отходы, которые изучили, используя переносную лабораторию... Они идентифицируются как силикон, расплавленный под воздействием высоких температур. И примесь – микрочастицы пепла...

Зайцев победно подытожил:

– Силикон, значит? Картина будет более полной, если мы сможем убедиться, что у бесследно пропавшей Градовой были грудные импланты.

Через пару часов кропотливой работы эксперты уже выложили на стол распечатанные данные. Они утаили от Зайцева подробности того, как использовали не совсем легальные методы – совершили хакерскую атаку на закрытые сайты клиник красоты. Таким образом они обошли потерю времени на официальные разрешения и прочие бюрократические моменты. Василиса вывела на экран ноута нужную информацию и снимки.

– Вот, мы отыскали клинику, где была проведена операция Градовой... Это выписка из архива, всё сходится... Она увеличила грудь за три года до исчезновения...

Герман задумчиво изрёк:

– Можно представить, как было дело: тело Градовой сожгли, прах развеяли по участку, небольшое его количество сохранили и использовали для нанесения тату. Расплавленный силикон зарыли в землю. Остаётся открытым вопрос – что стало причиной смерти возлюбленной Злобина?

Под тяжёлым взглядом начальника он нервно заёрзал на стуле:

– Мы над этим работаем...

«Семёныч» – Леонид Семёнович Дрёмин – дед Василисы старался быть в курсе её дел. Сказывался огромный стаж работы следаком. Василиса на кухне попивала крепко заваренный чай. Она пребывала в раздумьях. Дед заглянул «на огонёк», так как тоже не спал, маялся от бессонницы в своей комнате:

– Васюша, ты чего полуночишаешь? В твои-то годы я не успевал головой подушки коснуться, как уже в царстве Морфея пребывал...

Девушка вздохнула:

– Работа не даёт покоя... Мы же задержали подозреваемого в убийстве Злобина – Бурова... Но меня терзают смутные сомнения...

Семёныч напрягся:

– Что так? Сомнения в нашем деле должны развеиваться при помощи веских улик...

Девушка была с этим согласна:

– Не верю я, что Буров убил однокашника...

Дед уточнил:

– Он ведь сейчас в КПЗ? И ты не уверена, что задержали виновного?

– Ты прямо мои мысли читаешь... У нас пока нет доказательств, что Бурова подставили, но интуитивно чувствую – он не белый и пушистый, но Злобина не убивал.

Дед строго посмотрел на внучку:

– Чуйка – дело хорошее, но нужны факты.

Василиса достала смартфон и включила видео, попутно комментируя:

– Мы выяснили, что класс, в котором учились Злобин и Буров, считался особенным. Типа они все были чуть ли не гениями, и даже существовал специальный проект: режиссёр, ныне, правда, покойный, снимал одноклассников на протяжении нескольких лет – с пятого по одиннадцатый класс. Потом вышел документальный фильм...

Семёныч с пониманием кивнул:

– И что это нам даёт?

– Мы изъяли из архива все снятые материалы, я их все просмотрела. Часть скопировала, вот, смотри...

Семёныч уткнулся в экран смартфона Василисы. Там сменялись кадры, на которых Злобин и Буров постоянно были вместе, дурачились, шутили. Василиса наблюдала за реакцией деда:

– Понимаешь, к чему я клоню?

– Да, Васюша, я вижу, что эти двое были «не разлей вода». Многолетняя школьная дружба, переросшая в мужскую. Они ведь до последнего времени плотно общались?

– Да, регулярные созвоны, судя по распечаткам звонков с их мобильных. Куча совместных фотографий в соцсетях, они дружили...

– Но ведь иногда обстоятельства бывают сильнее нас... Вы выяснили, мог ли у Бурова быть мотив убить Злобина?

Василиса с досадой вздохнула

– Выяснили... Был... Там всё против Бурова. Он – игроман. Азартный игрок в карты, проигрывается в пух и прах... Он сам признался в переписке со Злобиным, что у него огромный долг и ему угрожали расправой...

Василиса приобняла деда:

– Я понимаю, что веру в дружбу к делу не пришьёшь... Будем искать доказательства...

Утро полковника Зайцева началось с экстренного совещания в его кабинете. Василиса сдержанно изложила:

– Я нашла архивные материалы о творчестве Злобина. Вот фотографии его работ с выставки, которая прошла вскоре после исчезновения его девушки! Он – керамист, создал серию работ – вазы различных конфигураций в виде женских тел. Ну, мы понимаем, что это он любимую так увековечил. Он практически не работал в технике холст-масло, но на выставке было представлено одно полотно его кисти, пастозно написанный портрет. Гляньте...

Зайцев и Егор уставились на экран ноутбука Василисы. Она совместила изображение женского портрета с фотографией Виктории Градовой и сама же констатировала:

– Одно лицо! И ещё! Злобину предлагали продать этот портрет в частную коллекцию, дорого, но он отказался. Это я узнала из его переписки с человеком, скрывающимся под никнеймом «Коллекционер», который не раз атаковал его своими письмами, всё время повышая цену. Потом по каким-то причинам Злобин заблокировал номер «Коллекционера», но с неизвестного номера ему продолжил присылать сообщения человек, который оставлял одноимённую подпись. Последнее предложение «Коллекционером» было сделано за неделю до смерти Злобина.

Зайцев аж подпрыгнул:

– Почему я только сейчас узнаю об этом? Василиса, я понимаю, что ты без году неделю работаешь у нас, но ты-то, Герман...

Герман ошарашенно пожал плечами:

– Я вообще-то, если вы забыли, тоже сейчас впервые слышу обо всём этом! Вась, ты чего молчала? Надо срочно найти этого коллекционера и картину! И выяснить, чем привлёк портрет потенциального покупателя... И не случилось ли так, что он настолько хотел обладать им, что решился устранить Злобина, после отказа продать?! Это мотив...

Василиса согласилась:

– Злодей мог подставить Бурова, используя в своих целях! Вот почему тот как наивный дурачок на всех камерах засветился! Убийца бы так неосторожно действовать не стал!

До Германа тоже стало доходить:

– Да, Буров свою вину не признаёт! Твердит, что его подставили, якобы он не таился, пробираясь по лесной тропе. Просто пришёл на дачу Злобина, проследовав по короткому пути от станции электрички. Потом ему дали по затылку чем-то тяжёлым, а, очнувшись, он увидел труп и сбежал...

Зайцев отправил операм новую вводную:

– Ребята, проверьте, есть ли на даче Злобина картина, изображение которой Василиса вам сейчас перешлёт на смартфон...

А находящимся рядом коллегам он азартно сообщил:

– Вполне возможно, что Буров реально получил по затылку на даче Злобина, придя в себя, обнаружил рядом труп. Понял, что при вскрытии тела погибшего нас заинтересует прах в его татуировках. А это ведь он их создатель. Для подстраховки срезал изображения. Труп скормил собакам, но к убийству непричастен... Но это надо доказать! Копаем дальше, ребяташки...

Вскоре вышли на связь оперативники:

– Платон Зиновьевич, портрет с дачи Злобина пропал. Судя по архивным фотографиям, он висел вот на этой стене... Оперативник показал на стену, где сохранился свежий выгоревший след на обоях.

Чижиков переслал скрин:

– И буквально перед своей гибелью покойный общался по видеосвязи, сидя на фоне картины. В облачном хранилище сохранилась запись. То есть, портрет пропал сразу после убийства. О его месте нахождения пока ничего неизвестно.

В кадре опера показали пыльный этюдник, в котором хранились рабочие материалы для живописи: тюбики с засохшими масляными красками, мастихины, кисти и тому подобные предметы:

– Но есть кое-что! Мы нашли палитру в дачном доме погибшего, похоже, именно её он использовал, когда писал портрет Виктории Градовой. Та же цветовая гамма... Мы изучили при помощи переносной лаборатории состав засохшей краски. Там содержатся микрочастицы праха... И даже есть один мельчайший фрагмент кости! Есть шанс выделить ДНК!

Зайцев потёр руки:

– Ну вот! Это уже что-то! Значит, не весь пепел был развеян на участке! Портрет написан красками, в которые он был частично замешан. Я же говорил, что этот Злобин большой оригинал и он оправдал мои ожидания... Если сможем провести анализ ДНК, это будет успех!

Зайцев заметил на лице Германа торжествующую улыбку. Эксперт, который всё это дело что-то изучал на смартфоне, передал Зайцеву мобильный с распечаткой на экране, пояснил:

– Похоже, у нас есть нечто, что объясняет причину таинственного исчезновения Градовой...

Полковник уткнулся взглядом в текст с фотографиями и задумчиво произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.